

БЕЛОСЕЛЬСКИЙ-БЕЛОЗЕРСКИЙ И Ж.-Ж. РУССО

А.А. Златопольская

Влияние Жан-Жака Руссо является одним из наиболее сильных в русской мысли и в русской культуре. Идеалом для русской общественной мысли являлся не кабинетный философ, а мудрец, отвечающий на вопрос о смысле жизни, подкрепляющий свои философско-антропологические и этические концепции собственным примером. В русской традиции одним из таких мудрецов и являлся «жениевский гражданин». Прекрасно сказал об этом Д.В. Философов в статье, посвященной двухсотлетию юбилею со дня рождения Руссо и вышедшей в свет в 1912 году. Он отмечает, что Руссо «искал не бескорыстной, холодной истины, а правды и справедливости. В истории русской мысли Руссо следует отнести почетное место»¹. Противопоставляя Вольтера и Руссо, Философов далее пишет: «Без особых усилий мы можем представить себе Руссо, спорящего в кругу петрашевцев. Нас не удивило бы, если бы он подсел к столу в грязном трактире, где Алеша и Иван Карамазовы спорили о Боге под звуки „Травяты“. Вероятно, Пьер Безухов и Платон Каратаев рады были бы иметь Жан-Жака своим товарищем по плену. Но разве можем мы себе представить в такой обстановке Вольтера? Биография Руссо — тяжелая, страшная. Он сам

¹ Философов Д. Жан-Жак Руссо (К двухсотлетию со дня рождения) // Русское слово. 1912. 15 июня.

ступил ее краски в своей „Исповеди”, впадая порой от застенчивости в цинизм. Характер у него был злобный, сварливый. Отношение к собственным детям, которых он, как щенков, таскал в воспитательный дом, нам представляется чудовищным. В жилах Руссо текла карамазовская кровь. Но Руссо не боялся общественного мнения, не боялся „юродства”. В нем была своя скромность, коренившаяся в сознании внутреннего, душевного величия ... Вольтер был в постоянных сношениях с Россией ... Руссо, вероятно, никогда и не думал о России. Он не заботился об истории, потому что сам делал ее. И вышло так, что для России он оказался гораздо нужнее, нежели Вольтер. Вольтер — до мозга костей француз и сын своего времени. Руссо разорвал цепи времени и пространства, вышел за пределы национальности и эпохи ... „всечеловек” Руссо слишком много нам дал и слишком тесно связан с будущим культуры русской¹.

Тема «Жан-Жак Руссо в России» является предметом многих статей и исследований. Однако в наших исследованиях не обращалось внимания на такую особенность библиографии Жан-Жака Руссо и бытования его идей как наличие большого количества апокрифических сочинений, которые долгое время, на протяжении десятилетий или даже столетий, приписывались Жан-Жаку. Вообще наличие апокрифов, которые долго считались подлинными сочинениями и апокрифичность которых была доказана зачастую только в XX веке, является в большей мере чертой французской культуры, чем культуры русской. Одним из наиболее ярких примеров литературной подделки во французской культуре являются псевдо-мемуары госпожи д’Эшине. В то же время выбор сюжетов для апокрифических сочинений, якобы принадлежавших женевискому гражданину, выбор их для перевода, восприятия и цитирования в другой культуре, например русской, показывает, каков был его образ в глазах современников, какие стороны руссоистского учения воспринимались прежде всего и мыслителями, и массовым читателем той эпохи, вносит дополнительные штрихи в понимание образа Руссо в России. Ведь в России, переводя апокрифические сочинения, читая их, не сомневались в их подлинности, их принадлежности перу Руссо.

Бытование одного из апокрифических писем Руссо прямо связано с нашим соотечественником, писавшим на русском и французском языке, дипломатом, поэтом и философом Александром Михайловичем Белосельским-Белозерским². Как дипломат, Белосельский-Белозерский был посланником

¹ Философов Д. Жан-Жак Руссо.

² Литературное творчество Белосельского-Белозерского уже изучалось. См., например: Заборов П.Р. Белосельский-Белозерский // Русские писатели XVIII века. Словарь. Т. 1. А., 1988. С. 79—81; Заборов П.Р. Русско-французские поэты XVIII века // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 66—105; Гулыга А.В. А.М. Белосельский-Белозерский и его трактат «Дианиология» // Историко-философский ежегодник. 1988. М., 1988. С. 266—274; Артемьева Т.В. Послан-

России в Дрездене, Вене и Сардинии. Белосельский-Белозерский является автором философского сочинения «Дианиология, или философская картина разумения», «Диалога на смерть и на живот» (на русском языке), «Первого диалога Эспера, сына князя Белосельского, с мудрецом»¹. Философско-исторические взгляды Белосельского-Белозерского выражены им в «Послании к французам», «Послании к англичанам», «Послании к республиканцам Сан-Марино», а также во втором «Послании к французам»². Белосельский-Белозерский, русский дипломат, был знаком и переписывался со многими мыслителями Европы.

Письмо Белосельского-Белозерского к Вольтеру — парадное поэтическое послание, где прославляется гений «фернейского патриарха», письмо носит отнюдь не частный, личный, а скорее литературный характер. Автор в стихах прославляет «великого Вольтера» и его славу, он говорит: «примите искреннее почтение сына Севера»³. Белосельский-Белозерский отмечает в письме Вольтеру, что он пишет на языке, «если бы Вы на нем не писали, абсолютно чужом для меня»⁴. Письмо Белосельского-Белозерского датируется мартом 1775 г., и было опубликовано им в «Mercure de France» в мае 1775 г. вместе с ответом Вольтера. Письмо Вольтера, ответ на письмо Белосельского-Белозерского, подлинное, рукопись письма, имеющаяся в альбоме князя Белосельского-Белозерского, воспроизведена в книге Верещагина «Московский Аполлон» и написана рукой Ваньера, секретаря Вольтера. Письмо Вольтера также носит литературный, парадный характер. Вольтер пишет: «Старик 81

ник Российской империи. А.М. Белосельский-Белозерский // Человек между Царством и Империей. М., 2003. С. 174—182; Артемьева Т.В. Между Санкт-Петербургом и Европой (А.М. Белосельский-Белозерский) // Петербург на философской карте мира. СПб., 2004. С. 89—98; Артемьева Т.В. Философия не умственная, а сердечная и чувствительная // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 101—108. Белосельскому-Белозерскому также посвящена значительная часть исследования французского слависта А. Мазона: Mazon A. Deux russes écrivains français. Paris, 1964.

¹ Dianologie ou tableau philosophique de l'entendement (Dresde, 1790; Londres, 1791; Freyberg, 1791. Совр. рус. пер.: Белосельский-Белозерский А.М. Дианиология, или философская схема интеллекта // Историко-философский ежегодник. 1988. С. 274—287); Белосельский-Белозерский А.М. Диалог на смерть и на живот / Публ. Т.В. Артемьевой // Вопросы философии. 2005. № 1. С. 109—118; Premier dialogue entre Esper, jeune enfant de M. le prince Bèloselsky, et le sage // L'abeille du Nord (Altona). 1804. Vol. 5. № 23. P. 455—456. На русском языке в настоящее время опубликовано также «Письмо о прекрасном» Белосельского-Белозерского (перевод В. Бибикина, предисловие и публикация А.В. Гулыги) (См.: Белосельский-Белозерский А.М. Письмо о прекрасном // Эстетические ценности в системе культуры. М., 1986. С. 110—113). Это неполный перевод письма, опубликованного французским славистом А. Мазоном на французском языке по рукописи РГАЛИ (См.: Mazon A. Deux russes écrivains français. P. 385—389). Переведены только страницы 385—386).

² Epître aux François, aux Anglois et aux républicains de Saint-Marin. Cassel, 1784. Epître aux François. S. I. 1802.

³ Voltaire. The complete works. Banbury (Oxfordshire), 1975. T. 125. P. 375.

⁴ Ibid. P. 376.

года, подавленный тяжелыми недугами, почувствовал некоторое утешение в страданиях, получив то прелестное послание в стихах и прозе, которыми Вы его почтили на языке Вам чуждом, но на котором Вы пишете лучше, чем вся наша придворная молодежь. Я бы приехал Вас отблагодарить за него в Женеву, если бы это позволили мои страдания, лишающие меня возможности пользоваться обществом. Перечитав Ваши стихи, я сказал себе мысленно: „В ледяной стране Овидий увидел однажды дочь нежного Орфея; их разогретые пламенем сердца отдались песням стихам и любви. Боги благословили их излияния, рожденный от них сын оказался украшенным их талантами“. Вы произошли от него, познайте же Ваших родителей и Ваше благородное происхождение. Примите, князь, выражение уважения фернейского старца¹. Обмен письмами был прежде всего упражнением в языке и изящной словесности, способом представить себя великому человеку как ценителя, не чуждого литературе. Необходимо сказать, что такой же парадный характер носит послание Белосельскому-Белозерскому Жака Делиля. Это послание под заглавием «A M. le comte Belozosky», посвящено, как указал известный библиограф С.Д. Полторацкий в своих заметках, хранящихся в Отделе Рукописей Российской Государственной библиотеки, А.М. Белосельскому-Белозерскому².

Письмо Жан-Жака Руссо Белосельскому-Белозерскому имеет иной, частный характер. По мнению Р. Ли в его комментариях к «Полному собранию переписки» Ж.-Ж. Руссо, это не подлинное письмо, а письмо поддельное, апокрифическое, и автором этого письма является сам Белосельский-Белозерский³. Между тем, во всех предыдущих изданиях это письмо считалось подлинным, в частности, в переписке Руссо, изданной в 1920—30-х годах⁴, а также в «Полном собрании сочинений», изданных в серии «Библиотека Пяеяды», где это письмо не раз цитируется⁵. Однако Р. Ли приводит веские доводы, доказывающие апокрифичность этого письма. Ли отмечает, что Руссо датирует это письмо 27 мая 1775 г. Но в этот год Руссо написал минимум писем. Найдены всего два письма. Уже несколько лет Руссо писал письма только необходимые. Данное письмо не является абсолютно необходимым. В то же время оно слишком длинно для письма, написанного из любезности. Как отмечает Р. Ли, комментируя фразу в начале письма «Благородные серда-

¹ Перевод цит. по: Верещагин В.А. Московский Аполлон // Русский библиофил. 1916. № 1. С. 56.

² Полторацкий С.Д. Белосельский-Белозерский кн. Александр Михайлович. Био-библиографические заметки. 1752—1852 // ОР РГБ. Ф. 233. Полторацкий С.Д. П. 15. Ед.хр. 62. Впервые это послание было опубликовано в сборнике «Poésies fugitives» (1802). Оно имеется также в знаменитом «Зеленом альбоме» Белосельского-Белозерского, в письме аббата Трессана, секретаря Делиля, где указано, что это послание посвящено Белосельскому-Белозерскому. Данное письмо датировано 24 июля 1801 года (см.: Верещагин В.А. Московский Аполлон. Пг., 1916. С. 79).

³ Rousseau J.J. Correspondance complète. Oxford, 1984. Т. XI. P. 244—246.

⁴ Rousseau J.J. Correspondance générale. Paris, 1930. Т. 20. P. 312.

⁵ Rousseau J.J. Œuvres complètes. Paris, 1959. Т. 1. P. 1661, 1816.

ца отвечают друг другу и испытывают ответные чувства, и я говорил, перечитывая Ваше письмо из Женевы: немного людей столь вдохновляют меня на это»¹: «Кто не видит, что здесь говорит князь, а не Жан-Жак»². Ли отмечает, что в 1775 г. крайне маловероятно, чтобы Руссо так обращался к мало или почти совсем не знакомому лицу. Нет никаких свидетельств, что какие-либо отношения имели место между Руссо и Белосельским-Белозерским, однако Руссо приглашает Белосельского-Белозерского к себе, привилегия неслыханная в 1775 г. для почти незнакомца. Руссо пишет: «Когда Вы возвратитесь в Париж, приходите, и мы поговорим»³. Ли также отмечает, что если письмо к Вольтеру и ответ Вольтера, датированный 27 марта 1775 г., появились в «*Mercur de France*» уже в мае 1775 г., при жизни Вольтера, то письмо Руссо к Белосельскому-Белозерскому не появилось при жизни «женевского гражданина», оно появилось в сборнике «Послание к французам, англичанам и республиканцам Сан-Марино» в 1784 г.⁴ Здесь можно добавить, что письмо Белосельского-Белозерского к Руссо неизвестно вовсе. И, как отмечает Р. Ли, скорее всего требование в письме сжечь его, требование, совсем не характерное для Жан-Жака в 1775 году, является оправданием того, что письмо якобы Руссо не появилось при жизни «женевского гражданина».

Кроме того, как отмечает Р. Ли, свидетельством неподлинности письма является то, что в этом письме затрагивается очень большое количество «руссоистских» тем, казалось бы, все руссоистские темы, какие возможно. И интересно проследить, учитывая то, что письмо было написано Белосельским-Белозерским, какой образ Руссо важен для него, в чем самое важное для него в образе и учении Руссо. В своей «Дианиологии» Белосельский-Белозерский называет Руссо дважды «Гением». В этом произведении Белосельский-Белозерский исследует познавательные способности человека, которые он называет разумением (*entendement*). Познавательные способности автор делит на несколько сфер. Низшая сфера — это сфера глупости, тупоумия. Из представителей человеческого рода к ней принадлежат лишь слабоумные. Вторая сфера — это сфера здравого смысла, рассудительности. Следующая сфера — это сфера рассудка. Более высокая сфера — эта сфера пронизательности или трансцендентности. Люди, принадлежащие к этой сфере, характеризуются способностью к глубокому размышлению, к проникновению в суть вещей. И наивысшая сфера — это сфера духа.

В приложении к своей книге Белосельский-Белозерский дал наглядную картину сфер, начиная низшей и кончая высшей, а также поместил «Дианиологическую классификацию многих известных личностей», по этой класси-

¹ Rousseau J.J. *Correspondance complète*. Т. XI. P. 244.

² *Ibid.* P. 246.

³ *Ibid.* P. 245.

⁴ *Epitre aux François, aux Anglois et aux républicains de Saint-Marin*. Cassel, 1784. P. 147—148.

фикации Руссо принадлежит к сфере духа. К сфере духа принадлежит и Вольтер, однако, автор книги помещает его не среди философов, а среди литераторов, ученых и поэтов. В «Послании к французам», напечатанном в сборнике, где было помещено письмо Руссо, он пишет: «Мы, русские, не имеем, по крайней мере, этого печального пристрастия удручать таланты и оскорблять гения. Жан-Жак в России был бы богом». Говоря об архиепископе Платоне и противопоставляя его архиепископу Кристофу де Бомону, который выступил против Руссо с пасторским посланием, он пишет: «Он [архиепископ Платон. — А.З.] не был бы бессовестным хулителем Руссо»¹. В то же время в «Дианиологии» Белосельский-Белозерский считает, в отличие от Руссо, что люди не равны по природе². Темы, которые он затрагивает в сочиненном им письме от имени Руссо, таковы: неблагодарность соотечественников Руссо; воспоминания Руссо о годах, проведенных в Женеве; гордость от занятия перепиской нот и тем, что он зарабатывает хлеб своим трудом; предпочтение крестьян знатым господам — темы, затрагивающие личность Руссо, и темы нравственно-этические. «Вы жалуете, что мои бывшие соотечественники не выступили в мою защиту, когда их пастыри, можно сказать, умерщвляли мою душу. Трусы! Я им прощаю несправедливости, может быть, только потомство за них отомстит. В данный час я вынужден больше сожалеть, чем они ... О, озеро, на берегах которого я провел сладостное время моего детства; очаровательные пейзажи, где я видел впервые величественное и трогательное зрелище восхода солнца, где я изведал первые сердечные чувства, первые порывы дарования, ставшего с тех пор слишком повелительным и слишком знаменитым! увы, я вас не увижу более. Эти колокольни, которые возвышаются среди дубов и елей, эти стада, эти мастерские, эти фабрики, странным образом разбросанные на горных потоках, в пропастях, на скалах, эти многолетние деревья, эти источники, эти луга, эти горы, которые видели меня при рождении, они больше не увидят меня ... Вы меня спрашиваете, переписываю ли я ноты. А почему нет? Неужели стыдно зарабатывать на жизнь своим трудом? Вы спрашиваете, продолжаю ли я писать: нет, я не буду больше этого делать. Я сказал людям истину, они отвергли ее, я более ничего не буду говорить... Мне принесли на днях новую комическую оперу, музыка Гретри, которого Вы так любите, и слова безусловно умного человека. Но опять знатные господа действуют в лирической сцене. Я прошу прощения, князь, но у них нет нужного тона, здесь надобны добрые поселяне»³, — пишет Белосельский-Белозерский от имени Руссо.

¹ Epître aux François, aux Anglois et aux républicains de Saint-Marin. P. 8—9.

² Dianologie ou tableau philosophique de l'entendement. Dresde, 1790. P. 3.

³ Rousseau au prince Aleksandr Mikhailovitch Bieloselski-Bielozerski // Rousseau J.J. Correspondance complète. T. 40. P. 245. Пер. А.А. Златопольской.

Особенно важен для князя образ Руссо как учителя жизни. Этот образ очень характерен для русской литературы, начиная с Фонвизина. Для Белосельского-Белозерского очень притягателен девиз «женевского гражданина» «*Vitam impendere vero*» («Посвятивший жизнь истине»). «Вы спрашиваете, продолжаю ли я писать: нет, я не буду больше этого делать. Я сказал людям истину, они отвергли ее, я более ничего не буду говорить...»¹, — пишет он от имени Руссо. И в то же время Белосельский-Белозерский жаждет внешнего признания, знаков этого признания, писем от великих людей, и когда не получает письма от Руссо, сочиняет его сам. В борьбе, которая идет в душе князя между принципом искренности и правдивости Руссо и внешним блеском Вольтера, выигрывает Вольтер.

Как отмечает Р. Ли, это «очень ловкая стилизация для 1784 года, но недостаточно ловкая для 1980»². Этот апокриф нашел отражение и в русской культуре. В 1841 г. в «Русском вестнике», издаваемом Н. Гречем, была помещен перевод этого письма с небольшой заметкой, где, кстати, стихи Вольтера из его письма Белосельскому-Белозерскому приписывались Альбани³. В заметке отмечалось, что письмо «показывает, как любил бедный Руссо князя Белосельского, и дополняет характеристику Женевского чудака»⁴.

И даже в 1959 г. в сборнике Ж.-Ж. Руссо «Об искусстве: Статьи, высказывания, отрывки из произведений» был помещен в русском переводе отрывок из данного письма как из подлинного письма Руссо⁵.

Для русской культуры очень значима антитеза Руссо — Вольтер. Не случайно одним из первых печатных переводов сочинений Руссо явилось письмо Руссо к Вольтеру по поводу поэмы Вольтера на разрушение Лиссабона⁶, а одна из первых печатных оценок произведений Руссо — примечание И.-Г. Рейхеля к этому письму, где Рейхель сблизжает Руссо и Вольтера⁷. Мыслители ли России, как правило, отнюдь не все принимают в руссоистской «религии сердца», в частности, не принимаются рассуждения о естественной религии, отрицание необходимости молитвы как просьбы к Божеству. Так, Е. Филомофитский пишет в своих примечаниях к письму Руссо по поводу поэмы

¹ Rousseau J.J. Correspondance complète. T. XI. P. 245.

² Ibid. P. 247.

³ См.: Письмо Ж. Ж. Руссо к князю Белосельскому. Париж 27-го мая 1775 // Русский вестник. 1841. Т. 3. № 7. С. 221—223.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Из письма к князю Белосельскому 26 мая [27 мая] 1775 г. / Пер. Т. Э. Барской // Руссо Ж.-Ж. Об искусстве: Статьи, высказывания, отрывки из произведений. Л.; М., 1959. С. 275.

⁶ Письмо господина Руссо к господину Волтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. М., 1762. Ч. IV. № 13. С. 235—273.

⁷ [Рейхель И.-Г.] Примечание к следующему письму, посланному от г. Руссо к г. Волтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия. М., 1762. Ч. IV. С. 231—234.

Вольтера «О разрушении Лиссабона», сближая позиции Руссо и Вольтера: «И я осмеливаюсь заметить, что Руссо здесь и несправедлив, и противоречит сам себе. Он жаловался на учение Волтерово, отнимающее всю возможность избегнуть зол ... и даже утешение мыслить о том иначе; а сам, отрицая содействие промысла в неделимых, не еще меньше утешительное проповедует учение? Не допускает ли фатализма? Не уничтожает ли свободу нашу? Не отнимает ли самую отрадную мысль у людей, в Откровении везде им проповедуемую: что наша молитва проходит небеса и преклоняет Бога? ... Руссо, порицая Философов — сам достоин за это порицания: он, конечно, не знал спасительных истин откровения; он сам не так понимал Провидение Божие»¹.

В тоже время, рассматривая проблему мирового порядка, мировой гармонии, мыслители склонялись, так же как автор примечаний к письму Руссо Вольтеру И.-Г. Рейхель, к концепции Руссо, по которой существует предустановленная гармония, в божественном мире все благо, а зло является делом рук людей. Такова, например, точка зрения В. Левшина². Обращение к религиозным взглядам Руссо тем более характерно, что в своей утопии «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» Левшин испытал воздействие Вольтера.

Сближение «естественной религии» Руссо с христианством особенно характерно для масонских кругов, в которых и на протяжении второй половины XVIII в., и в начале XIX в. велик интерес к «Исповеданию веры савойского викария», нравственно-гуманистическим аспектам религии Руссо. Христианство, как и «деизм сердца» Руссо, интерпретируется в нравственном аспекте, подчеркивается идея терпимости и любви. Белосельский-Белозерский ближе в своих религиозных воззрениях к религии сердца и культу природы Руссо, чем к рационалистическому деизму Вольтера. Таковы его религиозные воззрения в философском диалоге Эспера, сына князя Белосельского, с мурецом³.

Откликнулись русские читатели и издатели и на смерть Вольтера и Руссо, и не только в 1778 г., в год смерти мыслителей. Статьи и произведения, посвященные их смерти и посмертной судьбе, появляются и позже. И среди этих произведений появляется эпитафия Вольтеру, в настоящее время признающейся апокрифической, сомнительной, современными исследователями.

¹ Украинский вестник. 1817. Ч. 8. № 9. Сентябрь. С. 273—275, примечание.

² См.: Левшин В.А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Лвшим к приятелю его господину З*** // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Т.В. Артемьевой. СПб., 1996. С. 238—240. О книге Левшина, о его отношении к воззрениям Вольтера и Руссо, о проблеме теодицеи см. подробнее: Артемьева Т.В. «...Область дай уму» // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века. С. 50—59; Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 56—65.

³ Premier dialogue entre Esper, jeune enfant de M. le prince Bèloselsky, et le sage // L'Abeille du Nord (Altona), 1804. Vol. 5. № 23. P. 455.

Вот эта эпитафия:

Plus bel esprit que grand génie
 Sans loi, sans mœurs, sans vertu,
 Il est mort comme il a vécu,
 Couvert de gloire et d'infamie.

В частности, она признается сомнительной в издании полного собрания сочинений Руссо (Библиотека «Плеядь»)¹, а также в «Correspondance complète», в комментариях Р. Ли². Кроме того, в рукописях, хранящихся в Библиотеке Вольтера в Российской Национальной Библиотеке, в тетрадке с замечаниями Ваньера, секретаря Вольтера, на Собрание сочинений Вольтера имеется следующая ремарка Ваньера: «Это эпитафия гнусная. Кстати, я не думаю, что она принадлежит Руссо» («C'est cette épitaphe qui est infâme. D'ailleurs je ne crois pas de Rousseau»)³, что подтверждает апокрифичность эпитафии. Однако под именем Руссо эта эпитаграмма была переведена в 1788 году Алексеем Федоровичем Малиновским⁴. Вот этот перевод:

Ум быстрый, не великий дух
 Без честности и добрых нравов.
 Как жил, скончался так вослед своих уставов
 И славой и судом исполнив света слух⁵.

В 1800 г. в сборнике П.В. Победоносцева «Сокровище полезных увеселений, или Лекарство, врачующее людей, преданных печали и скуке: Собрание трудов одного россиянина из сочинений и переводов» появляется «*Эпитафия Господину Волтеру Ж. Ж. Руссом на французском языке сочиненная*»:

Остаток брэнного покрыв сей камень тела
 Из коего душа Волтера излетела
 Ум быстрый сокровен, но не великий дух;

¹ Rousseau J.J. Oeuvres complètes. Paris, 1961, T. 2. P. 1904.

² Rousseau J.J. Correspondance complète. Oxford, 1980. T. XXXVII. P. 368.

³ ОРК РНБ. Библиотека Вольтера, 4-245, р. 60, ф. 30. Выражаю искреннюю благодарность Н.А. Копаневу за указание на эту ремарку Ваньера. Здесь же текст эпитафии, который я цитирую по данной рукописи.

⁴ В 1787 г. А.Ф. Малиновский переводит «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий», содержащее в себе полемику с Ж.-Ж. Руссо (Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий, заключающее в себе убедительные исследования, вопреки Жан Жаку Руссо, какими стезями природа совокупила первобытных людей, от чего произошло неравенство между ими и как общества достигли того степени совершенства, в коем теперь обретаются / [Пер. с франц. Алексей Малиновский]. М.: Тип. при театре, у Клаудия, 1787. [2], 116 с.).

⁵ Эпитафия Волтеру, сочиненная на французском языке от Ж.-Ж. Руссо («Ум быстрый, не великий дух...») // Отрада в скуке, или Книга веселия и размышления: В 2 ч. М., 1788. Ч. 1. С. 29.

Что чувствовал, вещал и поражал тем слух;
 Днесь глас его умолк, зрак мрачностью покрылся;
 Во бездыханный труп Герой сей превратился;
 В полях был знаем он, известен в городах,
 Словами уст своих противникам был страх;
 Без добродетельных он христианских нравов
 Как жил, скончался так, во след своих уставов.
 Но вы ученики учителя сего!
 Не верьте в слепоте учению его;
 Очистите умы; забудьте то, исправьтесь
 И некончаемой погибели избежьтесь¹.

Как видно, переводом апокрифической эпитафии здесь являются только третья, четвертая, девятая и десятая строки. Остальное это, можно сказать, стихотворение авторское, стихотворение П.В. Победоносцева, то есть этот перевод апокрифического сочинения также не подлинный, а апокрифический. Образы Руссо и Вольтера в данном стихотворении мифологизированы. Религиозному, добродетельному Руссо здесь противопоставляется Вольтер как противник действующих нравственных устоев, образ, получивший распространение в общественном сознании, особенно после Французской революции. Достаточно часто они рассматриваются вместе в качестве антиподов, их противопоставление происходит по формуле, известной еще в античности: «плачущий Гераклит — смеющийся Демокрит». Появляются множество оригинальных и переводных сочинений, сопоставляющих Руссо и Вольтера². В массовой литературе, прежде всего, Вольтер обвиняется в подрыве религиозных устоев, в нигилизме, отрицании и даже в прямом разврате, особенно в памфлетах, изобличающих Вольтера и вольтерьянство³.

Религия сердца Руссо в данной эпитафии интерпретируется в духе догматов христианской, православной веры, как они трактуются церковью. Не случайно даже переведенные строки переведены не точно, в частности, говорит-

¹ Эпитафия Господину Волтеру Ж.Ж. Руссом на французском языке сочиненная («Остаток брэнного покрыл сей камень тела, из коего душа Волтера излетела...») / Пер. П.В. Победоносцева // [Победоносцев П.В.] Сокровище полезных увеселений, или Лекарство, врачующее людей, преданных печали и скуке: Собрание трудов одного россиянина из сочинений и переводов. М., 1800. С. 155—156.

² См.: [Де Санглен Я.И.] Параллель между Руссо и Вольтером // Аврора. 1805. Т. 1. № 3. С. 179—204; Мерсье Л.С. Параллель Вольтера и Руссо / С франц. Петр Буженинов // Аглая. 1808. Ч. 3. Август. С. 32—37; Вольтер и Руссо: Из журнала «Spectateur» / Пер. Z. // Журнал для сердца и ума. СПб., 1810. Ч. 2. № 4 (апр.). С. 77—83; Некоторые мнения о Вольтере, Руссо и литературе семнадцатого века / Пер. с франц. М. Невзорова // Друг юношества. 1811. № 12. С. 41—57; Женева и женевацы // Российский музеум. М., 1815. Ч. 1. № 1. С. 42—50.

³ См. напр. [Борноволоков Т.С.] Изобличенный Вольтер. СПб., 1792; [Баррюэль О.] Вольтерьянцы, или история о якобинцах ... открывающая все противухристианские злоумышления и таинства масонских лож. В 12 ч. / Пер. и предисл. [П. Дамагацко]. М., 1805—1809.

ся не о «нравах», а о «добродетельных, христианских нравах». А строка о «некончаемой погибели», безусловно, не характерна для религиозных воззрений Руссо. Таковы два перевода апокрифической эпитафии Вольтеру, опубликованной под именем Руссо.

Некоторое сомнение в подлинности этой эпитафии было высказано еще в статье Э. Радлова «Отношение Вольтера к Руссо», вышедшей в свет в 1890 году, где эта эпитафия была воспроизведена на французском языке¹. Как отмечает Э. Радлов в данной статье, «в Париже приписывали Руссо следующую эпитафию на Вольтера»².

Однако, необходимо отметить, что под именем Руссо данная апокрифическая эпитафия появляется в современном переводе и в наше время³.

Другим апокрифическим письмом Руссо, которое не привлекало к себе внимания, но которое переводил в начале XIX в. В.А. Жуковский, явилось так называемое письмо Ж.-Ж. Руссо к Сесилии⁴. Оно появилось впервые в России в переводе В.А. Жуковского в журнале «Вестник Европы», а затем переиздавалось три раза: дважды в «Переводах в прозе В.А. Жуковского» и в «Собрании образцовых сочинений», то есть пользовалось популярностью, было хорошо известно. Последнее издание данного письма в начале XIX в. появилось в «Переводах в прозе В.А. Жуковского» в 1827 г. Но в конце XIX века появляется несколько другой вариант этого письма в журнале «Изящная литература», причем автор публикации перепечатывает его из французского журнала «Le Livre. Revue du monde littéraire. Bibliographie Rétrospective», публикатором письма Руссо в этом журнале был Франсуа-Режи Шантелоз⁵. Хотя рукопись, которую публикует Шантелоз, написана не рукой Руссо, Шантелоз уверен, что это произведение Руссо. Автор перевода в журнале «Изящная литература» не ссылается на перевод Жуковского, он о нем просто ничего не знает⁶. Этот вариант письма отличается от переведенного Жуковским, оно более обширное, имеется дата 28 марта 1770 г. Адресат письма здесь обозначается как Сесилия Гобарт. В росписи журнала «Вестник Европы», осуществ-

¹ Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4. С. 64.

² Там же.

³ Руссо Ж.-Ж. Эпитафия Вольтеру: Стихотворение / Пер. В. Васильева // Семь веков французской поэзии в русских переводах. СПб., 1999. С. 223.

⁴ Письмо Ж.-Ж. Руссо [к Сесилии]: [Пер. с манускрипта] Ж.-Ж. Руссо; [Пер. В.А. Жуковского] // Вестник Европы. 1808. Ч. 37. № 4. С. 265—276. Перепечатано: К Сесилии: [Письмо Ж.-Ж. Руссо] / Пер. В.А. Жуковского // Собрание образцовых сочинений в прозе: Образцовые сочинения в прозе знаменитых древних и новых писателей. М., 1811. Ч. 5. С. 262—273; Письмо Ж.-Ж. Руссо [к Сесилии] // Жуковский В.А. Переводы в прозе В. Жуковского. М., 1816. Ч. 4. С. 234—248; Письмо Ж.-Ж. Руссо [к Сесилии] // Жуковский В.А. Переводы в прозе В. Жуковского. СПб., 1827. Т. 3. С. 3—13.

⁵ Le Livre. Revue du monde littéraire. Bibliographie Rétrospective. 1884. V. P. 33—43.

⁶ Последняя любовь Руссо // Изящная литература. 1884. IV. С. 24—32. Вступление на с. 24—32. Письмо Ж.-Ж. Руссо из Монкена 28 марта 1770 г. [к Сесиль Гобарт] на с. 25—32.

ленном в «Сводном каталоге сериальных изданий России» (Т. 1. Журналы. А—В), автором «Письма к Сесилии», которое перевел Жуковский, назван Ж.-Ж. Руссо¹. Данный перевод Жуковского атрибутируется как «Письмо Ж.Ж. Руссо» и в статье И.А. Айзиковой «Прозаические переводы В.А. Жуковского в „Вестнике Европы“»². Только в книге Х. Айнштедта «Жуковский как переводчик» отмечено, что письмо апокрифическое, но оригинал его не найден³. Однако письмо принадлежит не Руссо, а является подделкой, принадлежащей графу д'Антрегу, авантюристу, роялисту, шпиону, врагу Наполеона и последователю «женеевского гражданина». Это было доказано А. Коббеном и Р.С. Элвисом, авторами статьи «Ученик Жан-Жака Руссо. Граф д'Антрег», напечатанной в 1936 г.⁴ На авторство графа д'Андрега указывает и библиографический указатель произведений Ж.-Ж. Руссо⁵, изданный во Франции, а также же одна из последних работ, посвященных графу д'Антрегу, работа Р. Барни «Граф д'Антрег — ученик-аристократ Ж.-Ж. Руссо. От очарования к отречению», Барни отмечает, что письма Руссо к Сесилии, сочиненные д'Антрегом, являются отрывками из его романа «Анри и Сесиль»⁶. Считает подделкой д'Андрега письмо «К Сесилии» и Р. Ли в своих комментариях. Со ссылкой на статью Коббена и Элвиса он пишет, что было обнаружено множество писем Руссо к Сесилии, написанных рукой графа д'Андрега⁷, и что напечатанное Шантелозом письмо только часть большого письма, написанного д'Антрегом. Ли отмечает, что Миледи Говард — это выдуманный персонаж⁸. О переводе Жуковского Ли ничего не знает.

Однако, внимательно просматривая «Вестник Европы», можно заметить, что Жуковский ссылается на графа д'Андрега. Так, он переводит рассказ немецкого писателя Гартлиба Меркела «Путешествие Жан-Жака Руссо в Параклет», где Меркел в качестве предисловия пишет: «Еще не все сочинения Жан-Жака Руссо известны Публике. Одна из лучших его приятельниц, Миледи Говард, имеет манускрипт, которого содержание, быть может, не менее самой Элоизы привлекательно. Список с этого манускрипта, найденный между бумагами известного Графа д'Андрега, находится теперь в руках господи-

¹ Сводный каталог сериальных изданий России. Т. 1. Журналы. А—В. СПб., 1997. С. 252. № 06477.

² Айзикова И.А. Прозаические переводы В.А. Жуковского в «Вестнике Европы» // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 82.

³ Einchstädt H. Žukovskij als Übersetzer. München, 1970. S. 22.

⁴ Cobban A., Elwes R.S. A disciples of J.-J. Rousseau: The compte d'Antraigue // Revue d'histoire littéraire de la France. 1936. Avril-juin, juillet-septembre. P. 181—210; 340—363.

⁵ Snelier J. Bibliographie générale des œuvres de J.J. Rousseau. Paris, 1950. P. 251, n. 2194, 2195.

⁶ Barny R. Le Comte d'Antraigues: un disciple aristocrate de J.J. Rousseau. De la fascination au reniement. 1782—1797. Oxford, 1991. P. 70—78.

⁷ Rousseau J.J. Correspondance complète. Oxford, 1980. T. XXXVII. P. 368—370.

⁸ Ibid. P. 370. См. также: Duckworth C. D'Antraigues and the quest for happiness: nostalgia and commitment // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 152. Oxford, 1976. P. 625—645.

на Лаканале. Оно заключает в себе рассуждение о Виландовом Агатоне, которого Ж.-Ж. Руссо читал в переводе; отказ Дидроту на предложение десяти тысяч ливров годового пенсиону от имени императрицы Екатерины, и, наконец, следующие два происшествия*. Мне удалось их слышать — не спрашивайте где? — и сердце мое наполнилось теми сладкими, живыми чувствами, которые всегда производит в нем трогательный голос Жан-Жака; я решился описать их просто, без всяких витийственных украшений, и, есть ли можно точно так как слышал. Читатель, со временем, будет иметь в руках и самую повесть Жан-Жака Руссо: тогда я первый забуду сии строки, написанные мною в минуту сладкого волнения души, произведенного магическим его даром¹. Меркел приводит рассказы из биографии Руссо, во многом выдуманные графом д'Антрегом. А в «Вестнике Европы», переводя апокрифическое письмо Руссо, Жуковский пишет: «Перевод с манускрипта, который нигде еще не был напечатан. Любопытно знать, кто эта Сесилия? Быть может, та самая Милади Говард, с которою Ж.-Жак познакомился к старости...»²

Кроме того, в Российской Национальной библиотеке в архиве Я.Я. Штелина нами обнаружен список «Письма к Сесилии» на французском языке, который можно датировать концом XVIII — началом XIX в., письмо датировано 28 марта 1770 г. Это французский текст письма, опубликованного Жуковским³. Таким образом, рукописи из бумаг графа д'Антрега, в частности, так называемое «Письмо к Сесилии», известны уже в конце XVIII — первом десятилетии XIX в.

В «Письме» речь идет о самоубийстве, о его дозволенности. И как пишет в 1884 г. публикатор письма Шантелоз, письмо является «апологиею самоубийства». Размышления над проблемой самоубийства является важной темой в русской и французской культуре XVIII — начала XIX в. Неоднократно переводилось письмо XXII из третьей части романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», где Руссо размышляет о самоубийстве и предостерегает против него. Однако, если в «Новой Элоизе» Руссо выступает против самоубийства, то в данном письме, написанном от имени Руссо д'Антрегом, Руссо выступает как его апологет.

«На крайних пределах жизни мы видим гроб: там, говорит мне сердце, соединись с нею навеки! Кто любит, тот верит бессмертию! и какой любовник в лучшие минуты страсти своей способен быть атеистом? В сем отдале-

---

* Одно из них сообщаем читателю «Вестника» теперь, другое будет напечатано после (*Примечание В.А. Жуковского*).

¹ Меркел Г. Путешествие Ж.Ж. Руссо в Паракет / Пер. В.А. Жуковского // Вестник Европы. 1808. Ч. 37. № 2. Январь. С. 97-98. Перевод с книги: Merkel G. Erzählungen. Berlin. 1800. S. 3-6.

² Письмо Ж.Ж. Руссо / Пер. В.А. Жуковского // Вестник Европы. 1808. Ч. 37. №4. Февраль. С. 265. 265.

³ Руссо Ж.Ж. Письмо к Цецилии // ОР РНБ. Ф. 871. Арх. Я.Я. Штелина. Ед. хр. 964. Водяной знак на бумаге рукописи содержит дату: 1794 г.

нии, мрачном для взоров ума, но озаренном надеждою и мечтами для ея нежного сердца, открывается мне счастье беспредельное. Но как могу воображать это счастье без соединения с тем, что было мне драгоценно, что украшало мою земную жизнь, без чего и самое бытие мне кажется непостижимым. Сесилия! и самый небесный рай для души, воспламененной любовью, не иное что, как это соединение.

О мой друг! почувствуй сию надежду, неописанно сладкую надежду, которая исполнится для любовников при выходе их из жизни! Все, что ни имели они земного, похищенное у них смертию, соединится в едином гробе; но то, что в них бессмертно, что неподвержено уничтожению, то будет неразлучно и навеки. И ты удивляешься, что можешь желать смерти? и ты удивляешься, что счастливый твоею любовью человек об ней мыслит? Ах, милый друг! я несравненно более удивляюсь тому, что вы не летите к ней на встречу, и падаю к стопам вечного Существа, которое наши надежды на будущее согласовало с намерениями своей мудрости! О! если бы все могли их чувствовать так живо, как я в сию минуту их чувствую, тогда захотел ли бы кто-нибудь остаться жителем сего мира?» — вот один из отрывков этого довольно большого письма, сочиненного от имени Руссо д'Антрегом, в переводе В. Жуковского¹.

В этом, думается, проявляется влияние романтических настроений конца XVIII — начала XIX в., а также слухов о том, что сам Руссо наложил на себя руки.

Таким образом, такой апокриф, как «Письмо Ж.-Ж. Руссо к Сесилии», был популярен в России на протяжении первой трети XIX века, однако в популярной периодике этот апокриф как подлинное сочинение появляется и в конце века.

Подтверждением популярности и широкого распространения апокрифов д'Антрега является также то, что в Российской Государственной библиотеке нами обнаружен еще один список, сделанный рукой неизвестного, письма к Сесилии на французском языке, заголовок письма: *Réponse de J.J. Rousseau à Milady Cécile H.*, архивариусом оно обозначено как «Письмо к Цецилии», оно также отличается и от письма, переведенного Жуковским, и от письма к Сесилии Гобарт, напечатанном в 1884 г., на письме стоит другая дата и место — Париж, 7 июня 1774 г., то есть это совершенно другое письмо². Это письмо от имени Руссо также написано д'Антрегом, оно воспроизведено в статье

¹ Письмо Ж.-Ж. Руссо [к Сесилии] // Жуковский В.А. Переводы в прозе В. Жуковского. М., 1816. Ч. 4. С. 235—236.

² Руссо Ж.Ж. Письмо к Цецилии Г. *Réponse de J.J. Rousseau à Milady Cécile H.* Paris, 7 juin 1774 // ОР РГБ. Ф. 222 Панина. К. XVI. Ед. хр. 9. Л. 1—2.

Коббена и Элвиса¹. Роже Барни в своей книге отмечает, что это первое письмо от имени Руссо из романа в письмах «Анри и Сесиль»².

Апокрифические сочинения Руссо появляются в конце XIX в. не только в популярных русских журналах. Сведения о них как о подлинных сочинениях Руссо имеют место и в академических научных трудах. Это было вызвано уровнем современного исследования произведений и корреспонденции Руссо. Так, В.И. Герье цитирует в своей статье «Понятие о народе у Руссо» письмо баронессе Безенваль: «Я виноват, я ошибся, я считал вас справедливой, но вы дворянка, и я бы должен был понять, как неприлично мне, иностранцу и плебею, жаловаться на дворянина... Если он ведет себя без достоинства, то это потому, что дворянство его от того избавляет»³. Данное письмо, датированное ноябрем 1744 г., в настоящее время считается апокрифическим⁴.

Таким образом, апокрифические произведения сыграли определенную роль в русском руссоизме. Именно апокрифические сочинения ярче представляют нам образ Руссо в общественном сознании, и в частности, антитезу Руссо — Вольтер. В целом апокрифические сочинения, литературные подделки и мистификации более свойственны французской культуре, чем культуре русской. И производство этих литературных мистификаций, апокрифических сочинений свойственно русским писателям и мыслителям, писавшим на французском языке. Это Белосельский-Белозерский, а в XIX в. (независимо от проблемы апокрифических сочинений Руссо), в более широком контексте, — это, безусловно, П.Я. Чаадаев. Правда, Чаадаев, как правило, не скрывал своего авторства. У него есть «Записка графу Бенкендорфу от имени И.В. Киреевского», однако ни для кого не было секретом, что записку написал Чаадаев, его письмо «К самому себе от имени М.Ф. Орлова» говорит само за себя. Да и первое «Философическое письмо», напечатанное в «Телескопе», не было подписано.

---

¹ Cobban A., Elwes R.S. A disciples of J.-J. Rousseau: The compte d'Antraigue // *Revue d'histoire littéraire de la France*. 1936. № 3. Juillet-septembre. P. 340—341.

² Barny R. Le Comte d'Antraigues: un disciple aristocrate de J.J. Rousseau. De la fascination au reniement. 1782—1797. Oxford, 1991. P. 70.

³ Герье В.И. Понятие о народе у Руссо // Герье В.И. Идея народовластия и французская революция 1789 г. М., 1904. С. 266.

⁴ См.: Rousseau J.J. Correspondance complète. Genève, 1965. Т. II. P. 376—377.